

Леонид Соловьев

Солнечный мастер

Леонид Соловьев
Солнечный мастер

«ФТМ»

1939

Соловьев Л. В.

Солнечный мастер / Л. В. Соловьев — «ФТМ», 1939

ISBN 978-5-457-12080-8

«...отец умер осенью, когда собирали хлопок, через месяц умерла мать. Зимой Нур-Эддин жил у соседей; в апреле из Ура-Тюбе приехал дальний родственник, знаменитый на всю Фергану художник Усто Сулейман и взял сироту к себе в ученики. – Тебе посчастливилось, Нур-Эддин, – говорили соседи. – Будь внимательным и послушным. Когда ты окончишь учение, все будут уважать тебя так же, как уважают сейчас мастера Сулеймана, ты будешь носить такой же красивый халат и такую же тонкую чалму. Усто Сулейман оказался добрым и приветливым стариком. Семьи у него не было. Нур-Эддина он считал сыном. Вдвоем ездили они из кишлака в кишлак, из города в город – всюду, куда приглашали мастера подновить роспись в мечети. Однажды весной они работали в Шейх-Мазаре. Близилось двухсотлетие со дня смерти великого шейха Раббани, мастеру Сулейману поручили заново расписать мечеть, в которой был похоронен святой. Нур-Эддин растирал краски и мыл кисти, а Сулейман, стоя на подмостках, мудро поучал его. – Вот эту краску, – говорил он, – привозят из Индии. Если добавить к ней немного уксуса, она становится яркой и прозрачной, как рубин, и не тускнеет даже через пятьсот лет... »

ISBN 978-5-457-12080-8

© Соловьев Л. В., 1939

© ФТМ, 1939

Содержание

Леонид Соловьев	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Леонид Соловьев Солнечный мастер

Памяти А. М. Горького

Жители Ферганской долины понимают толк в стенной росписи, потому что именно здесь, в семидесяти километрах от Ходжента, находится город Ура-Тюбе, древнейший и славный город художников, мастеров узора и краски. Многие из них были в свое время столь знамениты, что приглашались на работу в Бухару, в Хиву, даже в Персию.

В Ферганской долине, в старинных мечетях Коканда, Ходжента и Андижана до сих пор можно видеть работу прославленных мастеров. На первый взгляд орнамент покажется вам уже потускневшим, но попросите сторожа принести лестницу и стереть пыль сырой тряпкой; краски выступают перед вами такими же яркими, чистыми, как и триста лет назад, когда мастер только что положил их на загрунтованную стену. Словами не передать все богатство цветов и оттенков и благородство их сочетаний, и можно час простоять в мечети, любясь прихотливым узором, открывая в нем все новые совершенства. И если увидите вы, что в росписи преобладают тона темные, краски лежат густо и немного тяжело, знайте, что это делал искуснейший Хаким-Мухаммед, а если узор весело перебирает золотое, синее, белое, лиловое, гранатовое и голубое и краски такие легкие, светлые, прозрачные, что кажется, будто каменная стена под ними вся просвечивает насквозь, – тогда благоговейно склоните голову: здесь работал непревзойденный, единственный в мире Усто Нур-Эддин, сам великий Нур-Эддин, по прозвищу «Солнечный мастер».

Он довел орнамент до высшей степени совершенства, приблизив его чудесным и удивительным образом к музыке. В те годы фанатический ислам достиг зенита своего могущества, это была страшная диктатура мертвой и бессмысленной догмы. Одержимый изуверской ненавистью ко всему земному, ислам запретил всякое изображение живых существ; живопись и скульптура в Средней Азии были начисто уничтожены, их сменил беспредметный, целиком условный орнамент, отцом которого был коран, а матерью – геометрия. Судьба зло посмеялась над Солнечным мастером, заставив его родиться художником и лишив возможности писать картины. В этом смысле он был бы похож на гениального, но глухонемого актера, который один во всем мире знает о величественных образах, живущих в его душе. Я говорю – «он был бы похож», но гигантским напряжением всей своей творческой воли Солнечный мастер сотворил чудо, равное оживлению камня, – он вдохнул жизнь в мертвую, закаменевшую геометрию орнамента. Подобно музыканту, обладающему удивительным даром рассказывать, не прибегая к словам, одними лишь сочетаниями семи основных тонов и ритма, веселые и грустные, гневные и скорбные повести о себе и о мире, –

подобно музыканту, Солнечный мастер умел в сочетаниях семи основных красок и четырех фигур (квадрата, треугольника, круга и эллипса) создавать бесконечно богатые и радостные образы живого мира. Никто их не видел, но все их чувствовали, они жили, неуловимые, где-то в изгибах линий, в переходах красок, в полутенях, которые вдруг неотразимо напоминали горячую розовость тела, чуть-чуть обожженного ослепительным ферганским солнцем. Не зря говорится в одном предании, что дети всегда смеялись перед узорами Солнечного мастера.

После него уже не было великих мастеров орнамента, это искусство опускалось все ниже и ниже и совсем выродилось в годы захвата Азии войсками Александра II. Ханский дворец в Коканде, законченный постройкой в 1870 году, яркое тому подтверждение: он расписан крикливо и грубо, шероховатыми базарными красками. Постепенно исчезали замечательные кустарные пиалы, чайники и цветные шелка, вытесняемые пестрой дешевой кузнецовских и прохоровских фабрик. Грубые минеральные и анилиновые краски заменили старинную индийскую лазурь и астрабадский кармин. Если и оставался во всей Фергане десяток порядочных мастеров, то все они были копировщиками, повторяющими своих учителей, некоторые пробовали подражать Нур-Эддину и всегда неудачно: получалась пестрая рябь красок – больше ничего. Вскоре наиболее предприимчивые мастера включили в набор своих инструментов русские трафареты, и стенная роспись окончательно перешла в разряд малярных работ.

Нур-Эддина забыли почти совсем. В книгах вы нигде не найдете его имени так же, как и не найдете имен тех гениальных зодчих, чьи величественные здания украшают площадь Регистан в Самарканде. Даже в устных преданиях и легендах с годами все глуше звучало имя великого мастера; казалось, память о нем умирает, чтобы никогда не воскреснуть.

Помню, я зашел в одну из мечетей в старом Коканде. Мечеть ремонтировалась. Зобатый чернобородый маляр стоял на подмостках и, шлепая кистью, закрашивал карнизы, покрытые чудесным тонким узором. Липкая белая краска, забираясь, подобно плесени, все выше и выше, закрывала творение Солнечного мастера. Я спросил маляра, знает ли он, чью работу закрашивает? Он равнодушно ответил, что знает – вон там, в левом углу, была подпись Нур-Эддина. «Ты слышал о нем когда-нибудь раньше?» – спросил я. «Мне что-то говорили, но очень давно, и я позабыл», – ответил маляр, кривя шею, уродливо отягощенную зобом. Обмакнув кисть, он мокро, как рыбьим хвостом, трижды шлепнул его по стене, как будто заключая свои слова жирным и самодовольным многоточием.

Дня через три я рассказал об этом случае на комсомольском собрании пединститута. Студенты выслушали меня с удивлением.

Председатель Мумин Адилов – впоследствии мой близкий друг – сказал:

– Если бы совсем разрушили эту мечеть, было бы еще лучше. Какое нам дело до мечети, до художника Нур-Эддина и до его орнамента?! Ради чего мы должны заботиться о поповском наследии? (Аплодисменты.) Старина, говорит товарищ! Нет, мы ненавидим позорную, проклятую старину, мы разрушим ее до основания так, чтобы от нее не осталось никакого следа! Вместо мечетей мы построим дворцы культуры и дворцы науки! (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Крики: «Тогры!», «Яшасун!») Переходим к следующему вопросу. Один из членов нашей ячейки, студент Надиров, занимается чтением старых суфийских книг. Мы обнаружили у него книгу Омара Хаяма, изданную в Бомбее. Я думаю, что такому человеку в комсомоле не место! Высказывайтесь, товарищи!..

Все это, повторяю, было давно, когда по Фергане еще гуляли басмаческие шайки в двести и в триста сабель, когда в Шахимардане толпа молящихся растерзала комсомольца-учителя, осмелившегося вслух сказать, что бога нет. В те годы многие студентки сидели на лекциях в паранджах, открывались редко, зато демонстративно, всегда на общем собрании; комсомольцы бурно аплодировали, кричали открывшейся: «Рахмат!.. Яшасун!», а потом,

оцепив девушку плотным тройным кольцом, шли на базар в старый город, шли с вызовом через густую толпу, всю в белых чалмах. Навстречу девушке и вслед ей сыпались бесстыдные ругательства и проклятия, а она все выше поднимала голову, черные глаза горели на бледном лице. Комсомольцы, сжимая кулаки, молчали, готовые в любую минуту к яростной схватке за новый быт. А через неделю приезжал из далекого кишлака отец или брат открывшейся и, подкараулив ее где-нибудь за углом, убивал ударом ножа. Газета «Янги-Фергана» – «Новая Фергана», полная гнева и скорби, печатала стихи, статьи, резолюции общих собраний, читательские письма; среди этих писем часто попадались такие:

«В ответ на зверское контрреволюционное убийство любимой подруги моей, которую не устану оплакивать, заявляю, что я, студентка второго курса, Ибрагимова, навсегда снимаю позорную паранджу и не надену ее вновь даже под угрозой смерти».

Теперь вам понятно, почему Надирова за чтение стихов Омара Хаяма исключили из комсомола и почему в 1926 году, в дни великого поста ураза, кокандские студенты устроили против самой большой мечети переносную естествоведческую выставку. Прямо на улице, перед входом в палатку, студенты поставили большую банку с заспиртованным выкидышем, а рядом – скелет. Весь расхлябанный, скрипящий, ослабившись, он смотрел на мечеть страшными черными дырами; ветер, желтый от пыли, свистя, летел через его ребра, гудел и выл в пустом черепе. На беду ехал мимо в своем экипаже председатель Ферганского облисполкома, лошади, храпя, шарахнулись от скелета и понесли, поднимая еще больше пыли, в ее желто-серых клубках скрылось изумленное лицо председателя. Через полчаса пришел милиционер и закрыл выставку не без сопротивления со стороны ее главного организатора Мумина Адилова

Я покинул Фергану весной 1930 года Возмужавшие студенты бесстрашно разъезжали по кишлакам со статьями Сталина в своих портфелях и успокаивали взбудораженное леваками дехканство Из Афганистана спешно возвращались басмаческие главари, в мечетях муллы витиевато проповедовали контрреволюцию, намекая туманными и скользкими словами на газават. Бывший эмир бухарский Сеид-мир Алим-хан повесил замок на дверь своего магазина в Кабуле, всерьез готовясь вернуться к самодержавной государственной деятельности. Ибрагим-бек задумывал большой поход на Таджикистан. И, покидая взволнованную грозную Фергану, каюсь, я не вспомнил о Солнечном мастере: меня томила тревога за друга моего Мумина Адилова, который поехал в далекий кишлак Нанай, где убили двух уполномоченных райпосевкома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.